

Сергей Бычков

Истоки и причины крушения Российской империи: взгляд Георгия Федотова

Сегодня россияне стоят перед необходимостью осмысления той страшной трагедии, которая произошла в России в 1917 году. И не только потому, что в этом году исполняется сто лет со дня этой трагедии. Скорее всего потому, что ошибки прошлого с неумолимой силой повторяются вновь и вновь. Порой возникает ощущение, что осенью 2017 года вынырнет очередной, неведомый никому, кроме кучки своих приверженцев, проходимец, и власть в России вновь упадет в руки полуграмотных экспериментаторов. И это не фантазии, а грубая реальность. Казалось бы – 70-летний провал памяти у россиян остался позади. Большевики, захватив власть, прежде всего принялись истреблять творцов и носителей культурной памяти. А тех, кого не успели физически истребить, выслали из России. Но лучшие представители российской интеллигенции продолжали трудиться в эмиграции. И прежде всего для будущей России. За последние 25 лет изданы многие труды мыслителей русского религиозного ренессанса. Но для того, чтобы осмыслить их наследие, необходим не только соответствующий им высокий культурный уровень (увы, он резко упал не только за годы большевистского владычества, но и за последнюю четверть нового века), важно найти и обозначить самое ценное из их наследия.

Георгий Федотов покинул Советскую Россию позже тех мыслителей, которые были высланы по распоряжению Владимира Ульянова (Ленина) в 1922 году. Семь лет он прожил под новой властью и имел возможность более глубоко проникнуть в психологию и намерения новых властителей. Именно поэтому для нас важны его произведения, в которых он не только анализирует истоки российской трагедии, но и ищет пути ее преодоления. Будучи талантливым публицистом, Федотов принимал активное участие в эмигрантских спорах. В 1932 году он собрал свои статьи, публиковавшиеся в различных периодических эмигрантских изданиях (часть из них публиковалась в газете *Дни*, часть – в журнале *Современные записки*). Все они посвящены Великой революции (так он не случайно называл российскую трагедию осени 1917 года). Доработав и дополнив новыми статьями, он издал их книгой под символическим названием *И есть, и будет*. Будучи практикующим христианином, Федотов этим названием напоминал о возгласе, который звучит во время евхаристии, когда священник, обращаясь к пастве, произносит: «Христос среди нас!» А паства отвечает ему: «И есть, и будет». Название книги звучит оптимистически, напоминая о том, что действие

божественных сил в истории человечества не прекратилось с вознесением Христа, а продолжается и поныне.

Подход Федотова к рассмотрению трагедии 1917 года во многом резко отличается от трафаретных точек зрения. Он считает, что революционная Россия – хотя и недоношенный, но законнорожденный ребенок России императорской. И обращается к трагическому разрыву между народом и правящей элитой, который произошел во время петровских реформ. Федотов считает, что отношения между классами становятся понятными только на фоне духовной жизни общества. Свое исследование он не случайно называет «историей болезни». Как историк он считает, что революции – закономерное следствие уродливого развития общества, которое отказывается от необходимых реформ на пути своего исторического развития. Даже в том случае, когда реформы проводятся с огромным запозданием и не в полную меру, это не спасает общество от катастрофы. В то же время Федотов подчеркивает, что его исследование заключается не в том, чтобы дать оценки тем или иным историческим деятелям России. Он заявляет, что видит свою задачу в поисках нового национального сознания.

«По отношению к этой основной задаче пересмотр традиции является, выражаясь моральным языком, актом покаяния. Ничто так не вредит созидательной работе будущего, как закоренелость в старых грехах, выражающаяся в постоянных попытках идеализации России вчерашнего дня. Все эти хилые попытки пересудов уже совершившегося Божьего суда. Если для русской молодежи в России основной задачей является введение в наследство бессмертной культуры старой России, восстановление порванной связи поколений, то здесь, за рубежом, это же восстановление связи достижимо лишь путем отречения от тленного и мертвого в прошлой культуре»¹. В год столетия Великой революции продолжаются яростные споры между приверженцами монархии, последователями большевиков и представителями новой правящей элиты, пытающейся совместить и примирить непримиримые течения мысли. Еще в конце 80-х годов прошлого столетия, в период так называемой горбачевской «перестройки», мысль о необходимости покаяния брезжила в сознании российской интеллигенции.

Более того, режиссер Тенгиз Абуладзе еще в 1984 году снял фильм под знаковым названием «Покаяние», который появился на отечественных экранах лишь в 1987 году. Но в этом фильме покаяния как внутреннего процесса, приводящего к перерождению личности, как это ни парадоксально звучит, нет. Выкапывание из могилы трупа умершего диктатора – это далеко не покаяние. Звучащие уже четверть века робкие призывы предать земле мумию Ульянова (Ленина), лежащую в центре столицы России, напоминают попытки героя фильма Абуладзе хоть и по-смертно, но наказать палача, хотя он и был его отцом. Протоиерей Александр Мень писал: «Я верю, что если в минувшие эпохи находились люди, которые выводили мир из духовного тупика, то найдутся они и в наши дни. А что касается

¹ Федотов Г.П. И есть, и будет. Собр. Соч. Т. V. М., 2011. С. 6.

покаяния, то провозвестию Христа предшествовала проповедь покаяния: к нему призывал Иоанн Креститель. И первое слово проповеди Иисуса было: "Покайтесь". Причем в еврейском языке это слово означает "обратитесь", "вернитесь с ложного пути". В греческом же тексте Евангелий оно передается еще более емким словом "метаноите", то есть переосмыслите свою жизнь. Здесь – начало исцеления. Покаяние – не бесплодное "копание в себе", не мазохистское "унижение паче гордости", а переоценка, побуждающая к действию. Такое действие Иоанн Креститель называл "плодами покаяния". Вот почему так обнадеживают многочисленные попытки пересмотреть нашу историю минувших лет, "переменить ум". Нарыв необходимо вскрыть. Без этого лечение невозможно»².

Однако исторический процесс в России всегда был чреват трагическими разрывами. Быть может, самый болезненный – раскол в Русской Церкви в середине XVII века, когда церковные стены покинули самые яркие и горящие сердца. Хотя причины, побудившие их сделать это, вряд ли стоили таких жертв. Затем начались петровские реформы, которые окончательно раскололи общество. Народ перестал понимать, чего хочет царь и правящая элита. Более того, русский народ, хотя и пассивно, но все же сопротивлялся изо всех сил петровским реформам, принося неслыханные жертвы. «Народ относился к царю религиозно. Царь не был для него живой личностью или политической идеей. Он был помазанником Божиим, земным Богом, носителем божественной силы и правды. По отношению к нему не могло быть и речи о каком-либо своем праве или своей чести. Перед царем, как перед Богом, нет унижения. ...Россия с Петра перестала быть понятной русскому народу. Он не представлял себе ни ее границ, ни ее задач, ни ее внешних врагов, которые были ясны и конкретны для него в московском царстве. Выветривание государственного сознания продолжалось непрерывно в народных массах за два века империи»³. Та бездна, которая пролегла между правящим классом и народом, не только не была преодолена за два столетия, но постоянно углублялась.

Преобразования Петра были по своей сути революционными. Не случайно Максимилиан Волошин называл Петра первым большевиком. Создание империи привело к небывалому феномену – в отличие от московского царя, который был ограничен религиозными верованиями и бытовым укладом, петербургский самодержец обладал неограниченной властью. Опираясь на народ, он мог подавлять дворянство, а опираясь на дворянство, делать все, что заблагорассудится с народом. «Рождение империи в муках петровской революции предопределило ее идею властного и насильственного насаждения западной культуры на Руси. Без опасной прививки чужой культуры, и притом в героических дозах, старая московская государственность стояла перед неизбежной гибелью. Речь шла прежде всего о технике и формах народного хозяйства. Но разве мыслима техника без науки, а новые формы хозяйствования без новых хозяйствующих классов? Во-

² Мень А. Что происходит с нашей культурой? // Трудный путь к диалогу. М., 1992. С. 81.

³ Федотов. И есть, и будет. С. 9.

семнадцатый век шел без раздумья и колебаний по европейской дорожке. (Только с новыми хозяйствующими классами дело обстояло слабо.) ...Отныне и до конца империя, за исключением немногих лет, стоит на противоестественной для нее, – но не удивительной для последних поколений – позиции охранения. То, что охраняется, – не вековые основы народной жизни, а известный этап их разрушения. В консервативный догмат возводится выдохшийся, мумифицированный остов петровской революции. В этом вечная слабость русского консерватизма – его подлинная беспочвенность»⁴.

Началом упадка созданной Петром I империи и завершившей его замыслы Екатерины II Федотов считает XIX век. Он начинался славно – победой над Наполеоном, вступлением русских войск в побежденную Францию. И все же полководцы Александра I значительно уступают «екатерининским орлам» – Потемкину, Суворову, Румянцеву. Рубежом становится русско-турецкая война 1827-1829 годов. После этой военной кампании начинается пора поражений. Федотов видит причину нарастающего упадка в даровании вольности дворянам. Освобожденные в 1762 году Петром III от необходимой военной службы, дворяне получили возможность подавать в отставку, уезжать за границу, предпочитая военной службе спокойную жизнь в своих имениях или за границей. Если в XVIII веке мощь петровских и екатерининских реформ не позволяла дворянам расслабляться, то в XIX веке от поколения к поколению нарастает желание дворян наслаждаться жизнью во всех ее проявлениях, нежели чем защищать интересы империи. Русская литература запечатлела яркие образы «лишних» людей, в основном представителей дворянства. Дворянин Лев Толстой в своих лучших произведениях жестко и беспощадно описал вырождение и гибель дворянства. И все же Федотов считает, что история дворянства еще не написана. Приходится согласиться с ним. Российское дворянство все же достойно того, чтобы такая история была написана.

В начале XIX века начинает зарождаться класс российской бюрократии. Он пришел на смену откровенному беззаконию московского царства. В русских пословицах, поговорках и сказках приказные и воеводские избы – символ и средоточие самодурства и беззакония. В них не найти образа судьи, который бы руководствовался в своих действиях буквой закона или голосом совести. «Крапивное семя» – так искони называл русский народ судейских приказных. Но и бюрократия, порожденная проектами Сперанского и постепенно вытеснявшая из правящей элиты представителей дворянства, вырождалась на протяжении XIX века. «Удивляться надо тому, насколько удалось Сперанскому оздоровить это крапивное болото прививкой европейского идеала долга. Главный порок николаевской системы не в этом. Болезнь заключалась в оскудении творчества, в иссякании источников политического вдохновения. Огромная, прекрасно сложенная машина работала, по-видимому, исключительно для собственного самосохранения, ее

⁴ Там же. С. 10-11.

холостой ход напоминает беличий труд большевистских ведомств. Царь, изолировавший себя от дворянства и общественных влияний, был бессилён указать великой России достойные её пути: увязил её в провинциальном миргородском болоте. Николаевская канцелярия не была последним словом бюрократии на Руси. Вернее, она была её первым словом. После неё бюрократия у нас пережила две фазы: либеральных реформаторов Александра II и «людей двадцатого числа» двух последних царствований»⁵.

Начиная с середины XIX века в России формируется новый класс – интеллигенция. Федотов отмечает резкое различие происхождения российской интеллигенции от западной: «Различие это сводится к тому, что европейская интеллигенция нового времени была одним из слоев третьего сословия, питалась соками городской буржуазии, воспитывалась в её дисциплине, защищало её право. У нас питомником интеллигенции было дворянство. С приходом разночинцев гегемония дворянства не сразу пала. Поразительно, до какой степени даже революционные партии блещут дворянскими именами – до самого конца: Герцен, Бакунин, кн. Кропоткин, Лавров, Плеханов, Ульянов. Мы видим: это не перебежчики, а вожди. Дворянский слой непропорционально велик и среди квалифицированной интеллигенции в науке, литературе, искусстве»⁶.

Мыслитель в чём-то полемизирует с российскими историками интеллигенции, но во многом соглашается с ними. Необходимо вспомнить отличительные черты такого сложного явления, как российская интеллигенция. В 1908 г. Р. Иванов-Разумник писал: «Первым и главным из этих признаков является следующий: интеллигенция есть прежде всего определенная общественная группа... К группе интеллигенции может принадлежать полуграмотный крестьянин, и никакой университетский диплом не даёт ещё право его обладателю причислять себя к интеллигенции... второй, основной признак интеллигенции – преемственность, интеллигенция есть группа преемственная... история русской интеллигенции ведёт своё начало от группы, впервые поставившей своим девизом борьбу за народное освобождение, вторая половина XVIII века послужила только предисловием к этой истории, которую XIX век развернул во всей её широте... можем указать ещё на два характерных признака русской интеллигенции: это её внесословность и внеклассовость ... И как бы ни был мал абсолютный социологический вес интеллигенции, но в её творчестве, в её идеалах – жизненный нерв народа, ибо интеллигенция есть действительно орган народного сознания и совокупность живых сил народа»⁷.

Спустя тридцать лет Н.А. Бердяев уточнял: «Интеллигенция была у нас идеологической, а не профессиональной и экономической группировкой, образовавшейся из разных социальных классов, сначала по преимуществу из более культурной части дворянства, позже из сыновей священников и диаконов, из мелких

⁵ Там же. С. 20-21.

⁶ Там же. С. 28-29.

⁷ Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. Т. 1. СПб., 1908. С. 2, 3, 6.

чиновников, из мещан, а после освобождения из крестьян... Интеллигенция скорее напоминала монашеский орден или религиозную секту со своей особой моралью, очень нетерпимой, со своим обязательным мирозерцанием, со своими особыми нравами и обычаями... Интеллигенция всегда была увлечена какими-то идеями, преимущественно социальными и отдавалась им беззаветно. Она обладала способностями жить исключительно идеями. По условиям русского политического строя интеллигенция оказалась оторванной от реального социального дела, и это очень способствовало в ней развитию социальной мечтательности»⁸.

Героизм, подвижничество, готовность к самопожертвованию – это черты, по сути своей, религиозные. Когда произошло крушение самодержавия и Временное правительство продемонстрировало полную неспособность управлять страной, а власть захватили большевики, началось резкое размежевание в стане российской интеллигенции. Безусловно, и до революции не было полного единомыслия среди интеллигенции. Явление славянофильства, феномен Чаадаева и Владимира Соловьева, земское движение – все это свидетельства того, что наряду с разрушительным течением в стане российской интеллигенции всегда существовало течение созидательное. Архимандрит Киприан (Керн) справедливо замечает: «Часто любят говорить об исключительно отрицательной роли интеллигенции, об ее выпадении из русла русской истории, удалении от Церкви, позитивизме. Обо всем этом должно скорбеть, но никто не вправе огульно осуждать. Как нигде, здесь опасны обобщения и безусловные утверждения. В частности, безбожие и индифферентизм не суть качественный признак нашего культурного класса. Искания интеллигенции, ее способность к жертвенному подвигу, отвержение себя, страдальчество за униженного, врожденный идеализм, чуждый мещанскости, – все это свидетельствует о мощи ее духа. Искания небесного града и весь долгий мучительный путь вспять от подполья к Церкви говорят о величестве ее религиозного пафоса, пред которым нельзя не преклониться».

Федотов уточняет, что российская интеллигенция в течение полувека стремилась к власти, но когда в феврале 1917 года эта возможность предоставилась, она оказалась неготовой к руководству страной. «...в сознании своем интеллигенция боялась власти, презирала ее и – в странной непоследовательности – мечтала о власти для народа. Во власти интеллигенции всегда чувалось нечто грязное и грешное. Она была сурова ко всем ярким выразителям государственной идеи в истории. В политику она вкладывала моральный пафос, видя в ней необходимую реализацию справедливости. Да и в политике ее пленяла, скорее, сама борьба, а не реализация, – жертва, а не победа»⁹. До революции эти два течения (правое и левое) внутри интеллигенции сосуществовали, иногда объединяясь для достижения общих целей, иногда резко размежевываясь. И только после большевистского переворота произошло резкое и окончательное размежевание. Часть российской интеллигенции, еще до революции вошедшая в лоно Церкви, резко проти-

⁸ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. С. 17-18.

⁹ Федотов. И есть, и будет. С. 24.

востала богоборческому и человеконенавистническому режиму. Другая часть пошла вслед за большевиками, признав, подобно Блоку и Маяковскому, правоту новых вождей. Судьба этой части российской интеллигенции достаточно ярко и широко описана не только историками, но и беллетристами, уцелевшими после сталинских чисток.

Судьба же той части интеллигенции, которая сознательно избрала путь противостояния, обрекавший ее на мученичество, еще недостаточно освещена отечественными и зарубежными исследователями. Трудно переоценить роль таких мыслителей и философов, как священник Сергей Булгаков, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Г.П. Федотов, А.А. Мейер, И.А. Ильин, Г.И. Челпанов, а также М.А. Новоселов (ставший в 30-е годы катакомбным епископом), священники Валентин Свенцицкий и Павел Флоренский, священник Алексей Мечев, А.С. Мишенькин, священник Сергей Мечев и многих других в формировании нового религиозного сознания в многочисленных кружках молодежи, повсеместно возникавших в первые годы Советской власти во многих российских городах. Эти кружки, возникавшие в годы гражданской войны и позже, в начале 20-х годов часто превращались в братства и устояли в годы сталинских гонений. Они сумели передать христианскую эстафету молодому поколению в конце 60-начале 70-х годов XX века.

Рождающаяся буржуазия, так бурно расцветшая на грани веков, как ни парадоксально, практически не принимала участия в революционном движении. По мнению Федотова, это был антиобщественный класс, презираемый почти всеми за казнокрадство и взятки. Хотя мыслитель отмечает существенный вклад российского купечества в развитие промышленности, а также меценатство купцов, вышедших из старообрядцев. Рассматривая роль народа и рождающегося рабочего класса в революционных процессах, Федотов отмечает с одной стороны враждебность крестьянства к представителям дворянства и интеллигенции, с другой – духовную беспочвенность рабочего класса, безжалостно угнетаемого российскими капиталистами. Все это в совокупности позволило большевикам опереться на крестьян, пообещав им землю, и на рабочих, одурманив их демагогией и пообещав передать власть в их руки.

Наиболее важными открытиями в анализе произошедших революционных событий в России Г.П. Федотова следует назвать его различение революций. По терминологии мыслителя следует различать Великие революции (их он насчитывает две – Французскую 1789 года и Российскую 1917 года) и революции, которые не приводят к тотальному разрушению старого социума, а лишь отсекают отмирающие социальные институты. По мнению Федотова, Великие революции можно уподобить хроническому заболеванию, которое может длиться столетиями. Временами оно характеризуется периодами улучшения состояния общества, но затем вновь активизируется, приводя к новым и новым потрясениям. В истории России XX века после Великой революции 1917 года мы можем насчитать как минимум еще две революции – хрущевскую и горбачевскую. Реформы Гор-

бачева привели к разрушению тоталитарного строя и к исчезновению империи, известной под аббревиатурой СССР. Новый XXI век характеризуется ностальгией по исчезнувшей империи. Постепенно, год от года, в средствах массовой информации нарастают ностальгические нотки, отодвигающие российское общество от необходимости покаяния. Одновременно происходят постоянные поиски виновных в разрушении СССР.

Подтверждается еще одна парадоксальная мысль Федотова – «Конституция всегда была для России утопией». Конституция, вынашиваемая императором Александром I и дарованная им царству Польскому, так и не была дана России его внуком Александром II. Она была положена под сукно Александром III. И только в XX столетии после первой русской революции в усеченном виде была дарована Николаем II. Но империя уже рушилась, и Конституция не могла спасти ее. Очередная, уже большевистская Конституция, появилась в 1918, а затем в 1924 году, но уже в 1936 году ее сменила «сталинская» Конституция. Это были годы «большого» террора, и многие статьи Конституции, даровавшие гражданам все мыслимые свободы, воспринимались населением как откровенное издевательство. «Сталинскую» Конституцию в 1977 году сменила «брежневская». В ней подчеркивалась руководящая и направляющая роль КПСС. В 1990 году из Конституции была удалена статья о руководящей роли КПСС. В 1993 году была разработана и принята «ельцинская» Конституция. По сравнению с предыдущими Конституциями она казалась наиболее демократической. Но все попытки власти сделать нормы закона обязательными для всех не увенчались успехом. Российское общество до сих пор живет не столько по законам, сколько по «понятиям». Отчасти это объясняется тем, что лишь 156 лет назад в России было отменено крепостное право. Рабское сознание – это болезнь. Оно лечится покаянием – осознанием не только собственных, личностных, но и общественных грехов своей Родины. Хочется верить, что это время все же настанет для России.